

- 16 мая 1992 года,
- суббота
- Московский выпуск
- № 114 (23688)
- Цена 1 рубль
- (в розницу — свободная цена)

ИЗВЕСТИЯ

с марта 1917 года

Николай БУРБЫГА, «Известия»

О том, что советские спецслужбы в своей борьбе с врагами советского строя использовали все средства, в том числе и яды, рассказывалось не раз. Однако непосредственные изготовители тайных средств убийства незаслуженно почему-то оставались в тени. Кто же они?

По мнению тех, кто занимается реабилитацией репрессированных в сороковые и пятидесятые годы, наиболее авторитетная фигура в этой области — доктор медицинских наук профессор Григорий Майрановский, который был начальником спецлаборатории НКВД и занимался исследованием действия различных ядов на организм животных, а также человека. Изготовленные в этой лаборатории яды по решению НКВД передавались «для дальнейшего использования»... О существовании секретной лаборатории знал узкий круг лиц.

— Майрановский относился к делу с вдохновением, — рассказывает полковник юстиции Владимир Бобринев, сотрудник Главного управления по надзору за исполнением законов в армии. — Начиная с отравляющих газов. Эти препараты известны под названием «Ижлон» и применялись гитлеровцами для массового уничтожения узников концлагерей. Но газы оставляли характерные следы наильственной смеепти, и отравление обнаруживалось при вскрытии. Поэтому газы не подходили. Та же участь постигла и обычные яды. Установлено: во внутренней тюрьме НКВД шли опыты с безвкусовым производным при-

та и большими дозами бензена. По материалам, которыми мы располагаем, яды вводили

уловного згания, что в Варсофьевском переулке. Комната была разбита на пять камер, двери которых с несколько увеличенными глазками выходили в просторную приемную. Здесь во время экспериментов постоянно дежурил кто-то из сотрудников лаборатории.

Установлено: почти ежедневно в лабораторию поставляли заключенных, приговоренных к

НКВД требовались более эффективные средства. Вскоре был изобретен препарат «К-2». Впервые его дали осужденному. На глазах человек становился как бы меньше ростом, слабел, становился все тише. И через пятнадцать минут умирал, вспинают очевидцы.

Материалы следствия свидетельствуют, что, создавая методу введения ядов в организм

через несколько минут не стало человека.

— Незаменимая вещь для наших разведчиков там, — любил говорить Майрановский.

А потом появились зонты, самопишущие ручки и прочие «колочки», замаскированные под обычные предметы повседневного обихода. Только во время экспериментов в лабораторных условиях из камер вынесли не-

Обычно Майрановского заблаговременно предупреждали о необходимости подготовиться к «медосмотру». Однажды ввели крепкого телосложения мужчину. И Майрановский приступил к осмотру, задавая незатейливые вопросы. Потом предложил:

— Не мешало бы вам небольшую профилактику провести. Не возражаете?

— Ну, если надо, — согласился мужчина.

Он был спокоен, уверен, что ничего непредвиденного не произойдет.

Ровно через десять минут труп мужчины унесли. И таких эпизодов в деле Майрановского было немало.

Заключение о смерти обычно составляли другие. И делали это «как надо». Чаще всего фигурирует причина — смерть наступила от слабости сердечной мышцы...

— Какова дальнейшая судьба доктора Майрановского?

— В 1951 году он был арестован за незаконное хранение отравляющих веществ. Осужден на 10 лет. Уже будучи арестованным, написал письмо Берии, в котором подробно сообщил о своих заслугах перед НКВД. «Моей рукой, — писал он, — был уничтожен не один десяток заклятых врагов советской власти, в том числе и националистов всякого рода...» Однако обращение к бывшему шефу не помогло. А письмо стало наиболее весомым обвинением против самого Берии.

ПРИГОВОРЕН К «МЕДОСМОТРУ»

Как действовали сотрудники спецлаборатории НКВД

через желудочно-кишечный тракт, что вызывало страшные мучения у подопытных людей, а смерть наступала лишь через несколько дней.

Наиболее перспективным ученым-химиком оказался ризин — отравляющее вещество из семян растительной клещевины. Был весь год, чтобы найти необходимую концентрацию ризина. Не получилось...

Неудачу с ризином Майрановский переживал тяжело. Боялся, что Берия охладит к лаборатории. Однако наком интереса к опытам с ядами не утратил и приказал еще шире развернуть эксперименты. Под лабораторию, которая ютилась в небольшой помещении, выделили большую комнату на первом этаже

высшей мере «социальной зашиты» — расстрелу. Вообще процедура внешне походила на обычный медицинский осмотр. «Доктор» участливо расспрашивал «пациента» о самочувствии, давал советы и тут же предлагал принять лекарство. Один из первых «пациентов» получил большую дозу дигитоксина под видом лекарства, предназначенного якобы стимулировать сердечную деятельность и поднять настроение пациента.

В материалах дела есть свидетельства очевидцев. «Майрановский приводил в лабораторию дряхлых и цветущих по состоянию здоровья людей, полных и худых... Одни умирали через три-четыре дня, другие мучились с неделю...»

людей, сотрудники лаборатории дали волю собственной фантазии. Подмешивали средства в пищу, напитки... Позже стали пробовать ручки, зонты, другие специально приспособленные предметы. Вводили яды через кожу, обрызгивая ее или смачивая специальным раствором.

— Трость-колодка, ставшая широко известной на Западе, тоже наше изобретение?

— Да. Предложение создать трость-колодку исходило из 1-го управления НКВД. Созданием первых образцов руководил лично Майрановский. Мастера отыскались в камерах внутренней тюрьмы. Первая трость — настоящее произведение прикладного искусства. Легкой чапиринны достаточно было, чтобы

несколько десятков ужаленных невзначай людей.

— А сколько человеческих жизней оборвалось в процессе «практического использования» трости за рубежом?

— Об этом никто не знает...

Майрановскому много пришлось повозиться с отравленными пулями. Сделали несколько образцов пустотелых пуль. Пустота заполнялась сначала ядом аконитином. Первые эксперименты проводились на заключенных. Делалось это в верхней камере. Из бесшумного пистолета в обреченных стреляли в мягкие ткани с таким расчетом, чтобы не убить сразу, чтобы разрывная пуля не пробила тело насквозь, не вышла наружу.